

Смысл свободы

316, 319,
324, 335

316

КНИЖКИ НЕДЕЛИ.

уже не подсилу прогнать демоновъ, которыхъ оно само вызвало. Вопреки нескрываемому ужасу, буржуазному классу приходится держаться чужого курса, какъ экипажу судна, которымъ овладѣли пираты. Но внѣ политики, въ области религіи, нравственности и искусства, въ самыхъ интимнѣйшихъ областяхъ міросозннія—уже совершенно ясно сказалось охлажденіе къ свободѣ.

II.

Русское общество по особенностямъ своей исторіи охвачено еще болѣе глубокою реакціей, чѣмъ на Западѣ. Существуютъ разрозненные кружки либерально-мыслящихъ людей, но это—«остатки прежняго величія», доживающіе свой вѣкъ шестидесятники или одинокіе представители болѣе молодыхъ поколѣній, рѣдкіе какъ колосья на неурожайной нивѣ. Обратитесь къ литературѣ: въ ней идетъ ожесточенный споръ о свободѣ, но пылъ и одушевленіе принадлежать не ея защитникамъ. Въ романахъ и повѣстяхъ стоитъ погребальный звонъ, хоронится типъ эпохи освобожденія и въ качествѣ наследниковъ выводятся все скептики свободы. Вспомните наглыхъ, торжествующихъ героевъ г. Боборыкина, кислыхъ, изнеможенныхъ отступниковъ г. Чехова, охлажденныхъ, извѣрившихся интеллигентовъ другихъ, менѣе видныхъ беллетристовъ. Одинъ изъ послѣднихъ романовъ г. Боборыкина и самый огромный—«Переваль»—посвященъ специально реакціи, перелому настроенія въ русскомъ обществѣ за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Герой романа «хотѣлъ остановиться и понять: куда все идетъ теперь? Не могъ онъ не видѣть, какъ все тронулось, какъ студенческую молодежь точно кто подмѣнилъ—если не всѣхъ, то очень, очень многихъ, какъ бывшіе подъ спудомъ инстинкты просочились наружу и задаютъ тонъ». Въ романѣ разсказывается, какъ пришла реакція, какъ она постепенно захватила не только консервативные круги—дворянство, недовольное освобожденіемъ народа, часть чиновничества и пр.,—а и самыя либеральныя сословія—разночинную интелли-

дуетъ осторожно поднимать сухими пальцами верхній край листовъ» и пр.) наконецъ, какъ сморкаться. Предписывается, къ кому учитель долженъ ходить съ поздравленіями, оказывать услуги, цѣловать руку, кому снимать шапку и пр. Губернскій администраторъ предписываетъ крестьянамъ употребленіе соломы не иначе, какъ сдабривая ее, для аромата, сѣномъ, и пр., и пр. Фактовъ этого рода безчисленное множество и далеко не всѣ проникаютъ въ печать. Образованный интеллигентъ, кровавящій себѣ руки о «мужицкія морды»—это достаточно рѣзкое неуваженіе къ свободѣ. Но мнѣ кажется еще ужаснѣе присваиваемая этими господами власть предписывать взрослымъ гражданамъ такіа вещи, какъ напр. сморкаться по формѣ. Побои, драмы и т. п. похожи на буйное помѣшательство совѣсти. Еще трагичнѣе тихое помѣшательство ея: воображаемое право вторженія въ самыя интимныя, будничныя, даже физиологическія потребности обывателей. Стѣснить взрослого, правоспособнаго человѣка, платящаго всѣ подати, до отнятія у него права откашляться или чихнуть какъ онъ самъ умѣетъ—это уже рабство, доведенное «до паооса», какъ выражались въ старину. Въ житейскомъ быту, въ общественной жизни, въ наукѣ, литературѣ, журналистикѣ—всюду вы замѣтите возвратъ стариннаго недовѣрія къ свободѣ человѣка. Это недовѣріе—какъ-бы ни были радостны живыя вѣянія—продолжаетъ чертить свой огромный минусъ надъ памятью либеральной эпохи.

III.

Въ чемъ причина этой поразительной смѣны настроеній? Идея свободы, могущественная тридцать лѣтъ тому назадъ до такой степени, что нравственно покоряла себѣ даже самодержавную волю (не говоря объ Александрѣ II, вспомните настроеніе его семьи, великаго князя Константина Николаевича, крѣжокъ Елены Павловны и пр.)—та-же самая идея свободы утратила свое очарованіе даже для «мелкихъ сошекъ», потеряла свойство электризовать умы. Чѣмъ это объяснить? Вѣдь всѣ еще помнятъ, съ какимъ молитвеннымъ трепетомъ, будто предъ

V.

Есть и еще одна, и можетъ быть, важнѣйшая причина упадка либерализма, зависящая отъ него самого. Упадокъ внѣшній объясняется между прочимъ *внутреннимъ* упадкомъ самого ученія о свободѣ. Созданіе высокаго духа, идея истинная и въ первоисточникѣ совершенная, попавъ въ первобытныя условія, сама выродилась и измельчала, какъ культурное дерево на тощей почвѣ. Зачата въ античныя времена, рожденная въ вѣкъ гуманизма, вспоенная великою философіей XVIII вѣка, идея свободы нашла себѣ роскошный пріютъ въ сердцѣ лучшихъ людей XIX вѣка, но въ то же время и самыя суровыя условія въ среднемъ обществѣ. Сдѣлавшись достояніемъ массъ, ученіе о свободѣ принизилось до ихъ уровня, потеряло свое высокое цѣломудріе, свою святую предель и тайну очарованія. Свобода... Осталось слово, но подъ это слово незамѣтно подставилось совсѣмъ другое понятіе, вытѣснившее старинную идею. И такъ-какъ новое понятіе было невысокаго достоинства, то скоро обнаружилось его безсиліе поддерживать обаяніе своей формулы. Съ либерализмомъ въ концѣ нашего вѣка повторилась буквально та-же исторія, что было съ гуманизмомъ въ XVI столѣтіи.

Надо замѣтить, что съ своей основной сути оба названные ученія тождественны: либерализмъ чуть не слово въ слово повторилъ всю формулу гуманизма. Тотъ и другой были возстаніемъ человѣческой души противъ деспотіи — церковной въ XVI вѣкѣ и свѣтской въ XVIII-мъ. Въ обоихъ случаяхъ гнетущая сила, папство и западно-европейская монархія, выродилась до разложенія вслѣдствіе своихъ историческихъ грѣховъ, въ обоихъ случаяхъ аристократія была оттѣснена болѣе энергическимъ городскимъ классомъ и т. д. Исходная точка гуманизма и либерализма — уваженіе къ человѣческой личности, признаніе ея нравственнаго самодержавія. Гуманисты и либералы застали *человѣка* вообще на крайней степени униженія, совершенно подавленнаго,

Говоря о ней Верховенскій считаетъ ее «ювелирскою вещью, идеаломъ будущаго», теперь-же требуетъ «черной работы», т.-е. бунта немедленнаго, рѣзоя во что-яы ни стало. Самъ Шигалевъ предлагаетъ, для осуществленія своей «системы», раздѣлить человѣчество на двѣ неравныя части. «Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми», которыя рядомъ перерожденій должны быть превращены въ стадо и приведены «къ первобытной невинности...» Проктъ Шигалева вызываетъ поправку:—«А я-бы, вмѣсто рая, вскричалъ Лямшинъ,—взялъ-бы этихъ девять-десятыхъ человѣчества, если ужъ некуда съ ними дѣваться, и взорвалъ ихъ на воздухъ, а оставилъ-бы только кучку людей образованныхъ, которые и начали-бы жить-поживать по ученому...»

Вотъ до какого безумія договаривался крайній либерализмъ, и не гдѣ-нибудь въ сумасшедшемъ домѣ, не въ кабинетѣ философа, вродѣ Кабе, а въ безчисленныхъ глухихъ россійскихъ углахъ, въ нѣдрахъ живого общества, которое все это видѣло и слышало. Да и не только слышало въ теоріи, а ощущало на практикѣ прелесть подобной «свободы». Но какъ ни растлѣнно наше общество въкомъ насиліемъ, какъ ни низокъ нравственный его уровеньъ, все-же *лучшіе* его элементы не могли не уразумѣть помѣшательства, которое кричало изъ этихъ теорій. Пусть вся масса неустойчивыхъ психопатовъ бросилась къ парадоксамъ и пала ницъ предъ ними, — пусть эта масса на время буйнымъ шумомъ заглушила общественное сознание, — рѣшеніе великихъ вопросовъ принадлежитъ не кричащей массѣ, а безмолвному меньшинству. Это меньшинство избранныхъ тогда-же осудило мерзости нигилизма; и устами лучшихъ писателей заклеимило ихъ презрѣніемъ.

М. Меньшиковъ.